

RU

Символ сердца в Новом Завете: философско-антропологический и герменевтический анализ

Виштак В. А.

Аннотация. Цель работы – выяснить взаимосвязь между метафизическим и антропологическим символом сердца (*καρδία*) и проследить его восприятие и развитие в русской религиозной философии (метафизике сердца, кардиогнозисе). На материале Нового Завета (Синодальный перевод), трудов отцов Церкви (свт. Иоанн Златоуст, свт. Василий Великий, свт. Григорий Палама) и русских мыслителей (прп. Нил Сорский, И. В. Киреевский, П. Д. Юркевич, Б. П. Вышеславцев, П. А. Флоренский, С. Л. Франк, И. А. Ильин) показано, что сердце в Новом Завете выступает не физиологическим органом, а глубинным средоточием личности. В работе проводится разграничение символа, метафоры и аллегории, а также семиотический анализ семантики и прагматики новозаветного символа сердца. Научная новизна состоит в следующих результатах: установлено, что новозаветный символ сердца задаёт онтологическую рамку для понимания «внутреннего человека» как целостного субъекта нравственного выбора, что ранее не рассматривалось в контексте русской религиозной философии; концепт «сердцеведения» (*καρδιολογία*) и опыт сердечного горения (Лк. 24:32) формируют основу для русской метафизики сердца, что позволяет по-новому осмыслить связь ветхозаветной антропологии с кардиогнозисом. В результате установлено, что новозаветный символ сердца предвосхищает концепцию «цельного знания» и составляет онтолого-гносеологическую основу метафизики, а также имеет эвристический потенциал для современной антропологии.

EN

The symbol of the heart in the New Testament: a philosophical anthropological and hermeneutical analysis

V. A. Vishtak

Abstract. The aim of the work is to investigate the interrelation between the metaphysical and anthropological symbol of the heart (*καρδία*) and to trace its reception and development in Russian religious philosophy (the metaphysics of the heart, cardiognosis). Based on the New Testament (Synodal Translation), the works of the Church Fathers (St. John Chrysostom, St. Basil the Great, St. Gregory Palamas) and Russian thinkers (St. Nil Sorsky, I. V. Kireevsky, P. D. Yurkevich, B. P. Vysheslavtsev, P. A. Florensky, S. L. Frank, I. A. Ilyin), it is shown that in the New Testament the heart acts not as a physiological organ, but as the deep center of the personality. The paper distinguishes between symbol, metaphor, and allegory, and provides a semi-otic analysis of the semantics and pragmatics of the New Testament symbol of the heart. The scientific novelty consists in substantiating the following claims: 1) the New Testament symbol of the heart sets an ontological framework for understanding the “inner man” as an integral subject of moral choice, which has not been undertaken before in Russian religious philosophy; 2) the concept of “heart knowing” (*καρδιολογία*) and the experience of the burning heart (Luke 24:32) form the existential foundation for the subsequent Russian metaphysics of the heart, allowing for a novel reinterpretation of the connection between Old Testament anthropology and cardiognosis. As a result, it is established that the New Testament symbol of the heart anticipates the concept of “integral knowledge” and forms the ontological and epistemological foundation of metaphysics, and also has heuristic potential for modern philosophical anthropology.

Введение

Актуальность темы обусловлена, с одной стороны, устойчивым интересом к «философии сердца» в современной отечественной мысли (Богомяков, 2000; Бурханов, Никулина, 2025), а с другой – недостаточной проработанностью библейско-герменевтических оснований этого концепта. В современной философской

антропологии всё чаще звучит запрос на «возвращение сердца» – на реабилитацию тех измерений человека, которые не сводятся к чистому разуму или к совокупности социальных функций (Марков, 1993; Зайцев, 2020). На протяжении всей истории христианской мысли символ сердца занимал особое место, соединяя духовный, душевный и телесный уровни в единое целое. Однако в строгом научном дискурсе изучение символики сердца часто оказывается разорванным между библейской герменевтикой, патристическим богословием и светской философией. Если в патристике и в русской религиозной философии (прежде всего у свт. Феофана Затворника, П. А. Флоренского и И. А. Ильина) сердечная тематика занимала одно из центральных мест (Флоренский, 2003; Ильин, 1994), то систематический герменевтический анализ новозаветного символа сердца в его целостности до сих пор остаётся задачей, требующей специального внимания.

В европейской философии и культуре сформировались две основные формы метафизики – «метафизика разума» и «метафизика сердца», причём именно восточнохристианская (православная) традиция, включая её русское продолжение, отдаёт приоритет сердечному познанию как целостному и интуитивному (Бурханов, Никулина, 2025, с. 422–423). Данная информация необходима для того, чтобы показать, что противопоставление двух типов метафизики не является умозрительным, а имеет конкретное историко-философское выражение, в котором русская мысль наследует византийскому исихазму.

Задачи исследования состоят в том, чтобы:

- 1) найти отличие между ветхозаветным и античным пониманием сердца;
- 2) обосновать метафизический и антропологический символ сердца и показать ведущую роль метафизического смысла сердца;
- 3) выявить новозаветный символ сердца в русской «метафизике сердца» от Нила Сорского до И. А. Ильина и оценить её значение для современной антропологии.

Материалом для исследования послужили тексты Нового Завета (Библия..., 2015), Ветхого Завета (пророческие книги, Псалтирь, Притчи) (Библия..., 2015), герменевтические и лингвистические словари (Райкен, Уилхойт, Лонгман, 2005; Роджерс, Роджерс, 2001; Kittel, Friedrich, 1965), а также труды византийских и русских мыслителей от Григория Паламы до И. А. Ильина (Григорий Палама, 2003; Нил Сорский, 1991; Киреевский, 1979; Юркевич, 1990; Вышеславцев, 1994; Флоренский, 1990; Франк, 1990; Ильин, 1994).

Теоретическую базу исследования составляет синтез библейской герменевтики, патристики и истории русской философии. В работе использованы следующие ключевые идеи и подходы:

- из «Теологического словаря Нового Завета» (Kittel, Friedrich, 1965) – метод семантического анализа ключевых слов в их библейском и античном контексте, позволивший выявить многозначность сердца;
- из семиотики Ч. С. Пирса (2000) – разграничение иконических, индексальных и символических знаков, применённое для анализа новозаветного символа сердца;
- из онтологии исихазма свт. Григория Паламы – учение о «сведении ума в сердце» как способе нетварного обожения, давшее метафизическую рамку русскому кардиогнозису;
- из работ П. Д. Юркевича (1990) и Б. П. Вышеславцева (1994) – концепция сердца как «органа цельного знания» и «метафизики любви», где сердце выступает онтологической основой личности;
- из философской антропологии В. Г. Богомякова (2000) – понятие «сокровенного» как принципа бытия, не постигаемого рассудком, но открываемого сердечному опыту.

Методология исследования носит междисциплинарный характер и включает: историко-филологический анализ новозаветных и ветхозаветных текстов (с привлечением греческого оригинала и древних переводов) для установления точного значения сердца; герменевтический метод (с опорой на святоотеческие толкования) для того, чтобы восстановить учение о сердце; семиотический анализ для разграничения символа, метафоры и аллегории и выявления семантики и прагматики новозаветного символа сердца; сравнительно-сопоставительный анализ ветхозаветных и новозаветных параллелей, а также античных и христианских представлений; философско-антропологическую реконструкцию для выявления онтологического и гносеологического статуса символа сердца в русской метафизике. Особое внимание уделено типологическому и компаративистскому методам, позволяющим выявить преемственность между библейским символом и его философской интерпретацией.

Практическая значимость работы состоит в том, что её результаты (уточнённое понятие «сокровенного», систематизация трёх модусов сердца – трансцендентного, трансцендентального и экзистенциального, а также анализ рецепции новозаветных образов в русской философии) могут быть использованы:

- для дальнейшего изучения библейской антропологии и русской религиозной философии в вузах гуманитарного профиля (при чтении курсов по истории философии, философской антропологии, религиоведению);
- для построения целостной философской антропологии, преодолевающей односторонний рационализм;
- в практической психологии и педагогике при разработке методик, ориентированных на развитие эмоционально-ценностной сферы личности.

Обсуждение и результаты

Сердце как символ: семиотический анализ

Прежде чем перейти к анализу новозаветного учения о сердце, необходимо провести разграничение между символом, метафорой и аллегорией, поскольку в научной литературе эти термины нередко смешиваются.

Метафора – это троп, основанный на переносе значения по сходству. Метафора предполагает сравнение двух объектов, при котором один объект описывается через свойства другого. Например, выражение «каменное сердце» – это метафора, поскольку оно переносит физическое свойство камня (твёрдость, неподатливость) на моральное качество человека (жестокость, неспособность к состраданию). Аллегория – это иносказание, при котором отвлечённая идея выражается через конкретный образ. Аллегория предполагает систему устойчивых соответствий: каждый элемент образа имеет строго определённое значение. Например, в притче о сеятеле (Мф. 13) семя – это слово Божие, почва – человеческое сердце, а плод – добрые дела. Аллегория требует «декодирования» со стороны интерпретатора и часто контролируется авторитетом традиции. Символ – это знак, который, в отличие от метафоры и аллегии, не предполагает однозначного переноса значения. Символ, по определению Ч. С. Пирса, – это знак, связь которого с объектом устанавливается по конвенции, соглашению, а не по сходству (икона) или причинной смежности (индекс) (2000, с. 88-90). Символ обладает смысловой глубиной и многозначностью: он не «расшифровывается» раз и навсегда, а предполагает бесконечный процесс интерпретации. Как отмечает П. Рикёр, символ – это «структура значения, где один смысл – прямой, первичный, буквальный – обозначает одновременно и другой смысл – косвенный, вторичный, иносказательный, который может быть понят только через первый» (2008, с. 42).

Новозаветное «сердце» (καρδία) является именно символом, а не метафорой или аллегорией. Это не просто поэтический образ, переносящий физические свойства органа на духовные качества, и не аллегория с фиксированной системой значений. Сердце в Новом Завете – это символический центр личности, который одновременно обозначает и физический орган, и внутреннего человека, и место встречи с Богом. Многозначность символа позволяет ему выполнять различные функции в разных контекстах: в Нагорной проповеди сердце – это источник нравственного выбора; в полемике с фарисеями – источник зла; в притче о сеятеле – почва, принимающая слово; в Еммаусском повествовании – орган, «горящий» от встречи с Воскресшим.

Семиотический анализ новозаветного символа сердца включает два аспекта: семантику (что обозначает символ) и прагматику (как символ используется для воздействия на читателя). Семантика символа «сердце» в Новом Завете включает три основных слоя: 1) антропологический, где сердце как средоточие личности, источник мыслей, чувств и воли (Мк. 7:21-23; Лк. 8:15); 2) онтологический: сердце как место встречи человека с Богом, «сокровенный сердца человек» (1 Пет. 3:4); 3) сотериологический: сердце как объект Божественного преображения – от «каменного» к «плотному» (Иез. 36:26; Рим. 2:29).

Прагматика символа «сердце» определяется его функцией в тексте:

- Перформативная функция: символ сердца не просто описывает реальность, но формирует её. Когда Иисус говорит «Блаженны чистые сердцем» (Мф. 5:8), Он не констатирует факт, а задаёт норму, призывает к преображению.
- Интегративная функция: символ сердца объединяет различные аспекты человеческого опыта – интеллектуальный, эмоциональный, волевой – в единое целое, преодолевая дуализм души и тела.
- Экзистенциальная функция: символ сердца обращён к личному опыту читателя, призывая его к самоанализу и внутреннему преображению.

Таким образом, семиотический анализ позволяет увидеть в новозаветном символе сердца не просто литературный приём, а фундаментальную антропологическую категорию, которая задаёт онтологическую рамку для понимания человека как целостного существа, открытого к трансцендентному.

Античное понимание сердца: от Гомера до стоиков

В античной философии (от Гомера до стоиков) сердце (καρδία) часто рассматривалось либо как вместилище аффектов, либо как физический центр организма, тогда как высшая познавательная способность связывалась с умом (νοῦς) или с душой (ψυχή). У Гомера сердце (καρδίη, κραδίη, κῆρ) выступает преимущественно как эмоциональный орган. Именно в сердце локализуется thymos – «пыль», «ярость», «мужество», а также nous – ум, разумение. В «Одиссее» (20.17-21) Одиссей, «ударив себя в грудь, укорял своё сердце» (κραδίη), призывая его к терпению. Как отмечает исследователь античной психологии, у Гомера «сердце описывается почти исключительно как эмоциональный орган человека, тогда как диафрагма (φρένες) является преимущественно его интеллектуальным органом психофизической природы» (Sorabji, 2000, р. 374-376). Таким образом, уже в гомеровском эпосе намечается различие эмоционального (сердце) и интеллектуального (диафрагма) начал. Платон в диалоге «Тимей» (Plato, 1997, 69d-71a) разрабатывает учение о трёхчастной душе, локализуя её части в разных частях тела. Разумная часть души (τὸ λογιστικόν) помещается в голове, «как в акрополе»; яростная, или аффективная, часть (τὸ θυμοειδές) – в области сердца, «как в сторожевом посту»; вожделеющая часть (τὸ ἐπιθυμητικόν) – в нижней части тела, у диафрагмы. Сердце, таким образом, у Платона – это орган благородных страстей, мужества и гнева, но не орган разума. Как пишет исследователь, «Платон поместил рациональную часть в голову, яростную – в области сердца, а вожделеющую – в области пупка» (Зайцев, 2020, с. 25-27). Аристотель в трактате «О душе» (De Anima) и биологических сочинениях («О частях животных», «О возникновении животных») развивает кардиоцентрическую модель. Сердце, по Аристотелю, – это центральный орган ощущения (sensus communis), движения и питания. Оно является «началом (ἀρχή) чувств», но ум (νοῦς) не связан с каким-либо органом: «Сердце есть начало чувств, но ум не связан с каким-либо органом» (Аристотель, 1976, с. 408). Аристотель считал мозг лишь «охлаждающим устройством» для крови, а сердце – средоточием жизни и психической деятельности. Как отмечается в исследовании Зайцева, «Аристотель считал сердце центральным органом

ощущения и движения, но разум он локализовал в мозге» (2020, с. 15-17). Стоики (Зенон, Хрисипп) помещали *hegemonikon* – «руководящую часть души» – в сердце. Хрисипп, в частности, аргументировал это тем, что голос (речь) производится в соединении с дыханием, источник которого находится в сердце, а не в мозге (Sorabji, 2000, р. 28-31). Как пишет Р. Сорабджи, «Хрисипп начал своё исследование о локализации *hegemonikon* во второй части первой книги “О душе”» (Sorabji, 2000, р. 20-23). Стоическая модель, таким образом, радикально кардиоцентрична: сердце – это не только орган эмоций, но и центр рациональной деятельности, воли и речи. Гален (II в. н. э.), напротив, отстаивал энцефалоцентрическую модель, критикуя Хрисиппа и доказывая, что *hegemonikon* находится в мозге. Этот спор между кардиоцентризмом и энцефалоцентризмом был одним из центральных в античной философии и медицине (Sorabji, 2000, р. 34-41).

Таким образом, античное понимание сердца существенно отличается от новозаветного. Если в античной философии сердце – это либо эмоциональный орган (Гомер), либо орган благородных страстей (Платон), либо центральный орган ощущения и движения (Аристотель), либо место локализации *hegemonikon* (стоики), то в Новом Завете сердце становится онтологическим центром личности, органом духовного ведения и местом встречи с Богом.

Ветхозаветные корни новозаветной кардиологии

Новозаветное понимание сердца не является изобретением собственно христианским: оно вырастает из богатой ветхозаветной традиции, в которой сердце (евр. *lēb* или *lēbab*) уже понималось как вместилище мыслей, чувств и волевых решений (Kittel, Friedrich, 1965, р. 214-216). В Ветхом Завете слово «сердце» упоминается около 850 раз, и его семантика охватывает интеллектуальную («помыслы сердца» – Быт. 6:5), эмоциональную («возрадовалось сердце» – Исх. 4:14) и волевою («расположил сердце» – 3 Цар. 8:58) сферы (Библия..., 2015). Пророк Иеремия даёт знаменитое определение: «Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено; кто узнает его?» (Иер. 17:9). Ветхозаветная мудрость учит: «Больше всего хранимого храни сердце твоё, потому что из него источники жизни» (Притч. 4:23). Эта интуиция о сердце как «источнике жизни» станет фундаментом для новозаветной антропологии.

Новозаветный синтез: сердце как орган духовного ведения

В Новом Завете происходит уникальный синтез: сердце становится не просто «чувствилищем», но и органом духовного ведения, местом встречи с Богом, центром, где вера, надежда и любовь обретают свою онтологическую реальность. Сокровенное – тот внутренний горизонт человека, который открывается в сердечном постижении, – становится условием возможности подлинного бытия человека (Богомяков, 2000, с. 78-80). Новозаветная «кардиология» (термин, используемый здесь в кавычках как условное обозначение совокупности новозаветных представлений о сердце) вносит в эту традицию существенное смещение акцентов. Если в Ветхом Завете о сердце часто говорится как о чём-то, что может быть «ожесточено» и что требует прямого Божественного воздействия для своего изменения (Иез. 36:26), то в Новом Завете акцент переносится на внутреннее преобразование сердца через живую веру и личную встречу со Христом. Именно эта интуиция станет основой для последующей восточнохристианской «метафизики сердца», которая, по словам Б. В. Маркова, утверждает, что ««сердечное познание» предшествовало “рационально-рассудочному познанию” и определяло его» (Марков, 1993, с. 3-5). Ключевое место, где Христос прямо говорит о сердце как об источнике человеческого поведения, – это Нагорная проповедь, в частности антифезы, следующие за заповедями блаженства. Именно здесь звучит знаменитое: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8). Экзегеты единодушны в том, что «чистота сердца» здесь не сводится к ритуальной чистоте, а означает внутреннюю цельность, свободу от лицемерия и двойственности. Человек с чистым сердцем – это тот, чьи внешние поступки совпадают с его внутренними побуждениями, и для которого «Богозрение» (*ὁψονταὶ τὸν θεόν*) становится не умозрительным, а личностно-экзистенциальным событием. Свт. Иоанн Златоуст в толковании на Евангелие от Матфея подчёркивает: «Чистым сердцем называется тот, кто не имеет в себе никакого лицемерия, кто не думает одного, а показывает другое, но сердцем чистым, то есть простым и нелукавым, взирает на Бога» (1898, с. 156). Понятие «чистоты сердца» имеет и онтологическое измерение: оно предполагает не просто отсутствие злых намерений, но положительную устремлённость к Богу, своего рода «духовную прозрачность», когда никакой корыстный мотив не искажает образа Божия в человеке. Эту линию впоследствии разовьют исихасты, утверждавшие, что именно в чистом сердце может воссиять нетварный свет (Григорий Палама, 2003, с. 245-247).

Тема сердца как источника добра и зла наиболее развёрнуто представлена в полемике Иисуса с фарисеями и книжниками (Мф. 15:1-20; Мк. 7:1-23). Оспаривая их акцент на внешних омовениях, Иисус произносит программную фразу: «Ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека... Изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи... Все это зло изнутри исходит и оскверняет человека» (Мк. 7:15; 7:21-23). Здесь сердце предстаёт как онтологический центр личности, источник всех её проявлений. Именно эта мысль станет основой для последующего православного учения о «сердце как седилище ума и воли» (Зайцев, 2020, с. 112). Дополнительный свет на учение Иисуса о сердце проливает притча о сеятеле (Мф. 13:1-23; Мк. 4:1-20; Лк. 8:4-15). В толковании притчи Иисус говорит о «доброй земле» как о символе «доброго и чистого сердца», которое слышит слово, удерживает его и приносит плод. «А упавшее на добрую землю, это те, которые, услышав слово, хранят его в добром чистом сердце и приносят плод в терпении» (Лк. 8:15). Здесь сердце предстаёт не только как источник, но и как вместилище, почва, которая может быть либо плодородной, либо каменистой, либо заглушённой терниями.

Одной из самых значимых линий, связывающих Ветхий и Новый Заветы, является образ «нового сердца». У пророка Иезекииля этот образ имеет эсхатологическую окраску: Бог Сам совершает радикальную замену – забирает «каменное сердце» и даёт «сердце плотяное», способное откликаться на божественную волю (Иез. 36:26). Этот образ не просто поэтическая метафора; он указывает на необходимость благодатного преображения человеческого природу, которая собственными силами не может избавиться от ожесточения. В Новом Завете эта метафора переосмысливается в свете событий жизни, смерти и Воскресения Христа. «Каменное сердце» – это сердце, закрытое для веры, ожесточённое против Евангелия. Апостол Павел говорит о «необрезании сердца» как о состоянии, которое должно быть преодолено в христианстве (Рим. 2:29). Истинное обрезание – это «обрезание сердца», совершаемое Духом. «Плотяное сердце», или «сердце из плоти», в новозаветной интерпретации – это сердце, обновлённое благодатью, способное к живой, личной, любящей встрече с Богом. Апостол Павел также вводит понятие «нерукотворенного обрезания сердца» (Кол. 2:11), которое совершается во Христе. Здесь чётко различаются два типа религиозности: внешняя, законническая, и внутренняя, сердечная. В послании к Римлянам он пишет: «...ибо не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот Иудей, кто внутренно, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве» (Рим. 2:28-29). Это различие становится парадигмальным для всего христианского понимания человека.

Святоотеческая традиция даёт глубокое толкование этой антитезы. Свт. Василий Великий в своих «Беседах на псалмы» говорит о том, что «каменное сердце» – это сердце, не способное к покаянию, замкнутое в своей гордыне, тогда как «сердце плотяное» – это сердце, умягчённое благодатью, способное к сокрушению и любви. Свт. Феофан Затворник, развивая апостольское учение, подчёркивал, что телесное сердце служит лишь «органом» для душевных и духовных движений, истинное же средоточие человека лежит глубже. Эта идея, в свою очередь, была воспринята русской религиозной философией: П. А. Флоренский (2003, с. 267-269) в «Столпе и утверждении истины» посвящает отдельную главу сердцу, опираясь на труды П. Д. Юркевича, и утверждает, что сердце есть «средоточие душевной и духовной жизни человека». Новозаветный дискурс о сердце включает ещё два важных аспекта: сердцеведение как божественный атрибут и сердечное горение как опыт встречи. Греческое слово καρδιωρύκτης («сердцеведец») встречается в Новом Завете лишь дважды, но в чрезвычайно важных контекстах: в Деяниях апостолов (1:24; 15:8) оно относится к Богу, Который «знает сердца». Для новозаветной антропологии это имеет прямое следствие: человек не может окончательно судить ни себя, ни другого, поскольку подлинное знание сердца принадлежит только Богу. Вместе с тем человек призывается к тому, чтобы его сердце стало открытым для Божественного взгляда и преображённым Его любовью. Этот мотив «сердцеведения» имеет глубокие корни в ветхозаветной традиции («Человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце» (Цар. 16:7)), но в Новом Завете он получает христологическое измерение: Иисус Христос, будучи Богом, также «знает сердца» (Ин. 2:25). Таким образом, знание сердца – это не просто всеведение, но личное, любящее проникновение в самую глубину человеческого существа. Как пишет Л. Райкен в «Словаре библейских образов», «знание сердца Богом означает, что человек не может укрыться от Бога в самых потаённых уголках своей души, но именно эта открытость становится условием спасения, когда человек добровольно впускает Бога в своё сердце» (2005, с. 837). Второй аспект – пожалуй, самый эмоционально насыщенный – представлен в Лк. 24:13-35 (явление Воскресшего Христа двум ученикам на пути в Эммаус). Когда ученики, наконец, узнают Господа в преломлении хлеба, они восклицают: «Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?» (Лк. 24:32). Это уникальное в Новом Завете рефлексивное описание сердечного состояния: глагол «горело» (καίόμενον) указывает на опыт внутреннего огня, который сопровождает встречу с живым Словом Божиим. Это переживание не сводится к интеллектуальному пониманию, оно целостно, экзистенциально и указывает на ту самую «сердечную теплоту», которая впоследствии будет поставлена в центр русской философии «сердечного познания» (Бурханов, Никулина, 2025, с. 424). Сердечное горение в Эммаусе имеет и литургическое измерение: ученики узнают Иисуса Христа в «преломлении хлеба», то есть в евхаристическом акте. Это показывает, что новозаветный символ сердца неразрывно связан с общинным богослужением: индивидуальное сердечное переживание включается в соборное таинство.

Новозаветное понимание сердца как средоточия личности, источника как добра, так и зла, «органа» духовного видения и встречи с Богом оказало глубочайшее влияние на всю последующую христианскую антропологию. Именно из этого источника вырастает «философия сердца», столь характерная для русской мысли, поскольку «представление о “сердце” как глубинном символе духовной культуры и основополагающем начале человека пришло на Русь вместе с Православием, через усвоение византийских святоотеческих текстов» (Бурханов, Никулина, 2025, с. 422). Русская религиозная философия не просто повторяет новозаветные образы, но разрабатывает их в стройную метафизическую систему, которая получила название «кардиогнозис» (от греч. καρδιά – сердце и γνῶσις – знание) (Емельянов, 2007, с. 18-19). Эта традиция охватывает пять столетий – от преподобного Нила Сорского (XV-XVI вв.) до И. А. Ильина (середина XX в.).

В восточнохристианской патристике, особенно в традиции исихазма, была разработана особая метафизическая практика «сведения ума в сердце». Как писал свт. Григорий Палама (1296-1359), «...ум через сердце пользуется телом как своим органом. Мы... вводим ум... еще и внутрь его самого» (Григорий Палама, 2003, с. 45). «Сердце» в этой традиции понимается не как анатомический орган, а как символ самососредоточения ума, как точка встречи человеческого духа с Божественной благодатью. Именно в сердце, по учению исихастов, происходит «умная молитва», и именно в сердце может воссиять Фаворский свет – нетварная энергия Божия (Григорий Палама, 2003, с. 250-252). Византийский исихазм заложил онтологическую основу для последующего русского кардиогнозиса. Символ «сердца» утвердился на Руси вместе с принятием Православия. В русской средневековой философии было разработано учение о кардиогносии – особом метафизическом

видении «сердца» как средоточия духовной, душевной и телесной жизни человека (Емельянов, 2007, с. 20). Одним из первых над «сердечным познанием» размышлял прп. Нил Сорский (ок. 1433-1508), который в своём учении о «собирании ума в сердце» призывал «в делании умном... сердце иметь глубокое, не внимающее разным помыслам» (Нил Сорский, 1991, с. 213). В русской философии XIX века тема сердца становится центральной в рамках спора славянофилов с западным рационализмом. И. В. Киреевский (1806-1856) полагал, что для Европы характерен «рационально-рассудочный», а для России – «сердечный» тип культуры. Европейское Просвещение, сформировавшееся на основе латинизма, – рассудочно и секуляризировано, тогда как русское Просвещение, основанное на византийстве, – сердечно и религиозно (Киреевский, 1979, с. 282-283). Западный человек обладает «рассудочным сознанием», которое односторонне, а русский – «сердечным сознанием», целостным, объединяющим чувства, рассудок и разум. И. В. Киреевский вводит понятие «цельного разума», где сердце является фокусом всех духовных сил.

Наиболее систематическое обоснование «философии сердца» в дореволюционной России дал П. Д. Юркевич (1827-1874). В работе «Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению Слова Божия» он перечисляет десять функций сердца: 1) носитель телесных сил; 2) орган душевной и духовной жизни; 3) источник намерений; 4) орган познания; 5) источник памяти; 6) образование слов; 7) средоточие жизни; 8) источник нравственности; 9) вместилище «первичной духовной сущности»; 10) орган веры в Бога (Юркевич, 1990, с. 69-75). П. Д. Юркевич подчёркивал, что сердце связано с «головой»: голове свойственны «посредническая» и «правительственная» функции, а сердцу – «духовная», призванная служить источником любви и доброты. Б. П. Вышеславцев (1877-1954) первым ввёл в научный оборот термин «философия сердца», понимая под ним метафизические и антропологические конституанты глубинного символа отечественной культуры. «Сердце» – это внутренняя цельная сущность человека, непосредственно выражающая его связь с Богом. «Метафизика сердца» соединяется с «метафизикой любви»: «...человек “без сердца” есть человек без любви... в... сердце... изливается божественная любовь...» (Вышеславцев, 1994, с. 64). П. А. Флоренский (1882-1937) продолжил традицию кардиогнозиса. Он различал низший уровень (рассудок) и высший (разум), но подлинное постижение достигается на третьем, сверхлогичном уровне, где сердце оказывается ближе к истине, чем разум. «Сердце» является не только «средоточием телесной жизни», но и «центром духовной жизни» (Флоренский, 1990, с. 266). У Флоренского «метафизика сердца» связана с «метафизикой света и любви». С. Л. Франк (1877-1950) в основу бытия полагал непостижимую первичную реальность – металогическое единство, которое постигается интуитивно. Величайшее чудо – явление другого «Я» в феномене любви, которая есть трансцендирование к «Ты». Всякая приветливость, сочувствие или сордование представляют собой метафизическую, «сердечную любовь» (Франк, 1990, с. 97). И. А. Ильин (1883-1954) создал «метафизику “поющего сердца” и любви». Он утверждал, что в основе западной цивилизации лежат чувственные восприятия и индуктивное мышление, которое бессердечно. Первым сущностным феноменом жизни является сердечное созерцание, вторым – любовь. Из их соединения рождается религиозная вера. «Сердце поёт от любви, которая проистекает от Бога, и само дарит любовь живым и разумным существам» (Ильин, 1994, с. 540-544).

Важным дополнением к русской метафизике сердца служит концепция «сокровенного», разработанная В. Г. Богомяковым. В монографии «Сокровенное как принцип бытия» он показывает, что сокровенное – это не просто тайна, а онтологическая глубина бытия, которая ускользает от дискурсивного рассудка, но дана человеку в живом, сердечном опыте. «Сердце есть тот орган, которым человек входит в сокровенное, и одновременно – то место, где сокровенное открывается как собственная глубина личности» (Богомяков, 2000, с. 112). Таким образом, новозаветный символ сердца оказывается не только *герменевтическим* понятием, но и фундаментальной онтологической категорией, связывающей библейскую антропологию с современной философской онтологией.

В контексте современной философской антропологии, которая сталкивается с кризисом рационализма, обращение к новозаветному символу сердца и его интерпретации в русской «метафизике сердца» приобретает особую актуальность. «Метафизика сердца» предлагает альтернативу как западному рационализму, так и иррационализму. В условиях глобализации и цифровизации возвращение к сердечному измерению бытия становится насущной задачей философии, психологии и педагогики (Зайцев, 2020, с. 115). Таким образом, русская «метафизика сердца» от прп. Нила Сорского до И. А. Ильина (и включая онтологические разработки В. Г. Богомякова) представляет собой последовательную философскую рефлексию над новозаветным символом сердца. Отечественные мыслители восприняли новозаветный образ сердца не как поэтическую метафору, а как гносеологическую и онтологическую категорию. «...“Метафизика сердца” во взаимосвязи с “метафизикой света и любви” представляет собой духовное и душевное постижение бытия, посредством которого осуществляются размышления о предельных основаниях мира и человека» (Бурханов, Никулина, 2025, с. 424).

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы, соответствующие поставленным задачам и цели.

Семантическое поле сердца в Новом Завете включает три основных слоя: ветхозаветное понимание сердца как средоточия мыслей, чувств и воли; античное (преимущественно аристотелевское и стоическое) представление о сердце как физическом центре ощущений и месте локализации *hegemonikon*; и собственно новозаветный синтез, где сердце становится органом духовного ведения, онтологическим центром личности. Это различие позволило реконструировать уникальный статус *кардіа* в христианской антропологии.

Семиотический анализ показал, что новозаветное «сердце» является символом, а не метафорой или аллегорией. Символ обладает многозначностью и смысловой глубиной, предполагает бесконечный процесс интерпретации. Семантика символа включает антропологический, онтологический и сотериологический слои; прагматика – перформативную, интегративную и экзистенциальную функции. Это позволяет рассматривать сердце как фундаментальную антропологическую категорию, а не просто литературный приём.

Учение Иисуса Христа о сердце, проанализированное на материале Нагорной проповеди (Мф. 5:8), полемики с фарисеями (Мк. 7:15, 21-23) и притчи о сеятеле (Лк. 8:15), показывает, что сердце выступает одновременно источником добра и зла, а его чистота является условием «Богозрения». Этот вывод коррелирует с первой задачей и демонстрирует центральную роль сердца в этике и антропологии Евангелий.

Трансформация антитезы «каменное сердце – плотяное сердце» от Иезекииля (Иез. 36:26) к апостолу Павлу (Рим. 2:28-29; Кол. 2:11) и святоотеческой традиции (Василий Великий, Феофан Затворник, исихазм) выявила, что новозаветное понимание предполагает не просто замену, а благодатное преображение сердечной природы человека. Практика «сведения ума в сердце» стала онтологической основой восточнохристианской аскетики.

Рецепция новозаветного символа сердца в русском кардиогнозисе прослежена от Нила Сорского через И. В. Киреевского, П. Д. Юркевича, Б. П. Вышеславцева, П. А. Флоренского, С. Л. Франка, И. А. Ильина до концепции «сокровенного» В. Г. Богомякова. Установлено, что русская метафизика сердца не просто заимствует библейский образ, но превращает его в системообразующий принцип цельного знания, альтернативный западному рационализму. Это знание имеет эвристический потенциал для современной антропологии, позволяя преодолеть редукционизм и построить целостную модель человека.

Таким образом, цель работы – выявить и концептуально реконструировать философско-антропологическое содержание новозаветного символа сердца и его рецепцию в русской религиозной философии – достигнута.

Перспективы дальнейшего исследования связаны сравнительным анализом «метафизики сердца» в русской и западноевропейской традициях (на примере Блеза Паскаля, Макса Шелера и Эдит Штайн), поскольку именно эти авторы предложили сопоставимые по глубине концепции сердечного познания. Практическое приложение кардиогнозиса в психотерапии и педагогике может стать предметом отдельного междисциплинарного исследования.

Материалы исследования | Research materials

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета (Синодальный перевод). М.: Российское Библейское Общество, 2015.
2. Райкен Л., Уилхойт Д., Лонгман Т. Словарь библейских образов / пер. с англ. СПб.: Библия для всех, 2005.

Источники | References

1. Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1.
2. Богомяков В. Г. Сокровенное как принцип бытия. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2000.
3. Бурханов Р. А., Никулина О. В. Метафизика сердца в русской философии: истоки и основоположения // Манускрипт. 2025. Т. 18. № 1. <https://doi.org/10.30853/mns20250060>
4. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М.: Республика, 1994.
5. Григорий Палама, свт. Триады в защиту священо-безмолвствующих / пер. с греч. М.: Канон, 2003.
6. Емельянов Б. В. Русская религиозная философия XVI-XIX веков как метафизика сердца: истоки, проблемы, персоналии // Метафизика сердца и любви в западной и отечественной философской традиции: коллективная монография / отв. ред. Р. А. Бурханов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. Ч. 1.
7. Зайцев А. Ю. Философская антропология сердца: традиция и современность. М.: Академический проект, 2020.
8. Ильин И. А. Путь к очевидности // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 3.
9. Иоанн Златоуст, свт. Толкование на святого Матфея Евангелиста // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста: в 12 т. СПб.: Изд-во СПб. Духовной Академии, 1898. Т. 1.
10. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979.
11. Марков Б. В. Разум и сердце: история и теория менталитета. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1993.
12. Нил Сорский, прп. Устав // Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения / сост. П. С. Гуревич. М.: Политиздат, 1991.
13. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000.
14. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008.
15. Роджерс К. Л. мл., Роджерс К. Л. III. Новый лингвистический и экзегетический ключ к греческому тексту Нового Завета / пер. с англ. СПб.: Библия для всех, 2001.
16. Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины // Флоренский П. А. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1. Ч. 1.
17. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: АСТ, 2003.

18. Франк С. Л. С нами Бог // Философия любви: в 2 ч. / сост. А. А. Ивин. М.: Политиздат, 1990. Ч. 2.
19. Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению Слова Божия // Юркевич П. Д. Философские произведения. М.: Мысль, 1990.
20. Kittel G., Friedrich G. Theological Dictionary of the New Testament. Grand Rapids: Eerdmans, 1965. Vol. 3.
21. Plato. Timaeus // Plato. Complete Works / ed. J. M. Cooper. Indianapolis: Hackett, 1997.
22. Sorabji R. Emotion and Peace of Mind: From Stoic Agitation to Christian Temptation. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Информация об авторах | Author information

Виштак Виталий Александрович¹

¹ Сургутский государственный университет

Vitaly Alexandrovich Vishtak¹

¹ Surgut State University

¹ vishtakva72@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 28.05.2026; опубликовано online (published online): 08.10.2026.

Ключевые слова (keywords): Новый Завет; цельное знание; антропологический символ сердца; метафизика сердца; New Testament; integral knowledge; anthropological symbol of the heart; metaphysics of the heart.